

Василий Гурковский

Когда уходишь – не оставляй зло людям

(Роман)

Эта книга о Жизни. О Добре и Зле. О судьбах двух братьев-близнецов, рожденных одной матерью, выросших из одного корня, но давшего абсолютно разные побеги. Один из братьев, за всю свою жизнь, не проработал по-настоящему ни одного рабочего дня. Воровал, играл, обманывал или «отдыхал» от всего этого. В трудную минуту, подставил под бандитский нож родного брата.

Второй брат, из-за него, всю жизнь колесил по бывшему Союзу; полвека добросовестно отработал на разных работах, а когда пришлось уходить из жизни, после несчастного случая, – унес с собой в вечность миллион евро, оставленный братом на сохранение, после разбойного нападения, посчитав эти деньги за страшное Зло, которое нельзя оставлять людям, ибо оно превратится для них в нечто гораздо большее и худшее....

...Зло – предметно, осязаемо. Обладает удивительной живучестью и возможностью передаваться по наследству. Бывает, что и через несколько поколений, на нейтральном, или даже абсолютно положительном, поле, неожиданно появляется новый побег Зла, в виде подвоя (дички). Если он останется незамеченным и не будет своевременно облагорожен привоем Добра, то обязательно, невзирая ни на какие неблагоприятные условия (как любой сорняк), превратится в ветвистое дерево Зла, которому уже не помогут ни прививки, ни любые окультуривания. Зло в обратную сторону не растет.... Искоренить Зло – можно только его ликвидацией....

Василий Гурковский

Глава первая.

Последний автобус приехал на конечную станцию поздно вечером. Высадил единственного пассажира, развернулся на площади и отправился обратно в город. Была поздняя осень, дождя не было, но воздух был так насыщен холодной влагой, что было трудно дышать. Центральная площадь этой, дальней, части села в те времена еще не освещалась вовсе, поэтому Иван, а именно он был тем единственным прибывшим пассажиром, покинув освещенный автобус и выйдя на перекресток, являющийся частью площади, – буквально «ослеп». Темень так накрыла все окружающее пространство, что в двух шагах ничего не было видно.

Если проезжая часть улицы была подсыпана гравием, то остальная территория, была покрыта черной липкой грязью, которая не только измазывала до колен прохожих взрослых и до пояса детей-школьников, но и запросто снимала с людей сапоги и отрывала подметки. Так как большинство улиц были обезображены залитыми водой глубокими колеями проезжающих по ним тракторов и машин, то люди пытались ходить по - над заборами, цепляясь за них, там, где было, конечно, за что цепляться.

Иван жил недалеко от площади, поэтому, на ощупь, тоже начал пробираться к ближайшему забору, чтобы с его помощью, постараться добраться до дома с наименьшими потерями. В сухое время, там ходьбы всего пара минут, – вдоль забора – до угла, да там еще метров пятьдесят за поворот и тоже вдоль забора.

Направляясь в сторону забора, он вдруг увидел непонятное, скорее - необычное. С год тому назад, на площади, метрах в пятнадцати от перекрестка, рядом с забором, соорудили небольшую сторожку, вначале деревянную, потом сложили её из камня -котельца, поставили дверь и небольшое окно, с видом на площадь. Называли это сооружение по-разному- то «диспетчерская», то «контролерская», то «будка», то – просто – «остановка», где люди, – потенциальные пассажиры, могли бы укрыться в непогоду, ожидая автобус.

И вдруг – в это время, и в такую темень, - в будке горел огонек! Иван не обратил бы внимание на эту неожиданность, но, некоторое время назад, в сезон уборки урожая, хозяйка дома, где Иван снимал отдельную летнюю кухню, принимала участие в организации вывоза продукции из села на внешние рынки. В те времена – это была хорошо отлаженная система автоперевозок из приднестровских сел - на рынки города Одессы. У сельских колхозов тогда было мало своих автомашин. Да, они по выходным выделяли, сколько могли, транспорт для своих колхозников, желающих выехать на городской рынок, но основную массу овощей и фруктов, вывозили из сел одесские машины. На договорной основе с крупными одесскими рынками, работало много машин, бывших военных, в основном трехосных американских «Студебеккеров» и трофейных немецких. Они приезжали в село к вечеру, загружались товаром, и ночью отвозили продавцов на рынки. Люди днем торговали, а вечером, тех, кто «расторговался», - те же машины или другие, отвозили домой и снова загружались. Такой цикл длился, пока у людей было что возить.

Хозяйка дома, днем работала учетчиком на расположенном в центре села, пункте приема сельскохозяйственной продукции от имени одного крупного перерабатывающего завода, а в период массового вывоза продукции на внешние рынки, естественно, по договоренности, и не бесплатно, она собирала заявки и составляла списки сельчан, желающих выехать на рынок, записывала их адреса, а также составляла наиболее оптимальные внутри сельские маршруты для приезжих машин, исключая ненужные проблемы при загрузке продукции. Она, часто допоздна, задерживалась на этой сверхурочной работе, до тех пор, пока не отправляла все прошедшие через неё машины. Работала по вечерам в той самой автобусной «будке», все об этом знали на этой части села и люди охотно пользовались её услугами, тем более, что она не брала с них никакой платы. Ей что-то платили водители, приезжающие за товаром.

Но это было раньше. Уже время интенсивных поездок на рынок прошло, «Почему же она опять здесь сидит?»- подумал Иван и решил узнать, в чем дело, и может быть нужна в чем-то его помощь. Потому и двинулся в сторону мерцающего света. Чувствовалось, что что-то здесь не так, но

лучше зайти сейчас, чем потом, из дома, возвращаться опять сюда по такой грязи.

Подойдя к будке и с трудом одолев две довольно высокие деревянные ступеньки, он открыл дверь. Первое, что мелькнуло в голове- «хозяйки здесь нет». В «будке» стоял грубо сколоченный стол, со сбитыми крест-накрест ножками и две прибитые к полу, деревянные скамейки. На столе - стоял керосиновый фонарь «Летучая мышь»; с той стороны стола, лицом к Ивану, сидел средних лет мужчина, на лице которого было написано все его прошлое и возможное будущее, а на боковой скамье, спиной к Ивану, сидел молодой, крепкий на вид парень, в широких спортивных сатиновых шароварах, ватной телогрейке, и вельветовой фуражке шестиклинке.

Иван поздоровался, стоя в дверях, помещение-то маленькое, не особо развернешься; он сразу понял, что здорово ошибся в заботах о своей хозяйке и начал пятиться к выходу, заявив на ходу: «Извините, ребята, я думал здесь другие люди находятся...Ошибся.». Тот, что постарше, поднял над головой фонарь, приближая его к Ивану, пытаясь разглядеть его лицо, зато молодой его сотоварищ, злорадно осклабился и выдохнул: «Да нет, кореш, ты не ошибся! А мы как раз тебя и ждали с последним автобусом!». Он вскочил и бросился к Ивану, вынимая из-за голенища нож. Иван инстинктивно подался назад, а – сзади - только две высокие ступеньки, и - упал навзничь, в метре от входа в будку. Хотел приподняться, но было уже поздно - Молодой уже стоял над ним, расставив ноги по обеим сторонам его туловища, и подался вперед, подняв руку, готовясь нанести удар ножом в верхнюю часть тела Ивана.

Ивану тогда было не до размышлений, да и много позже, он так и не мог объяснить себе, как все получилось дальше. Пытаясь привстать, он не увидел, а скорее почувствовал, в буквальном смысле, что нападавший сейчас оседлает его и тогда ему конец, он импульсивно схватился обеими руками за весь «мужской набор» бандита, вместе с нависавшими тонкими шароварами и, откинувшись снова на спину, с остервенением за все это дернул.

Молодой взвыл от боли, ноги его поехали по мокрому гравию вперед, вдоль туловища Ивана; он упал спиной Ивану на ноги и продолжал визжать и размахивать по сторонам ножом. Положение на спине, было

явно для него невыгодным. Он даже не мог достать ножом ноги Ивана, так как лежал на них, защищая их тем самым от самого себя. Он бесполезно размахивал ножом, пытаясь оторваться от Ивана и пробовал свалиться влево - вправо, но «якорь», который крепко держал в руках Иван, не позволял ему это сделать. Адская боль в паху, не давала ему пустить в ход и ноги.

Со стороны, эта пара в какой-то мере была похожа на огромную стрелку на часах,- верхним концом большей, минутной, стрелки была голова Ивана, а окончанием часовой стрелки, – была голова Молодого. Они так и вращались несколько минут вокруг невидимой оси - если бандит пытался отвернуть влево или вправо, то и Иван двигался соответственно, в противоположную сторону, не позволяя той «стрелке» сломаться и не отпуская то, что он мертвой хваткой держал в руках.

На визг Молодого, из будки, с фонарем в руке, выскочил его напарник. Споткнувшись на ступеньке, он упал, фонарь разбился о гравий, подсыпанный возле входа, затем поднялся и в кромешной темноте - бросился спасать своего напарника, который беспрерывно визжал не человеческим голосом. Наверное – то была не его ночь, того второго «спасателя». Он же не знал, что участники той жестокой драки, лежали на земле «валетом», головами в разные стороны. Кинулся на знакомый голос и тут же получил в темноте смертельный удар ножом от своего подельника. Иван слышал, как что-то зашипело, захрипело, забулькало. Наверное, Молодой, размахивая ножом, попал напарнику в горло. Тот сразу упал где-то рядом и быстро затих, продолжались только хрипы и бульканье.

Молодой видимо понял, что случилось, напрягся и вдруг резко дернулся назад, надеясь оторваться от Ивана. Раздался неприятный громкий хруст в паху у бандита, одновременно раздался душераздирающий рев и - все сразу стихло. Иван еще некоторое время судорожно сжимал ставший ненужным набор мужских прелестей Молодого, потом отпустил все это хозяйство, и с минуту лежал на спине, оглушенный всем случившимся, какой-то щемящей тишиной и придавленный беспросветной чернильной ночью. Потом, – свалив с себя, не подававшего признаков жизни Молодого, встал, огляделся, прислушался, – никого и ничего, только темень. Вышел на шоссе, прошелся по большой луже и двинулся по

направлению к дому. Когда уже подходил к калитке, морось перешла в настоящий дождь. «Ну и слава Богу!» – облегченно вздохнул Иван и вошел в свою резиденцию – стоящую отдельно от дома летнюю кухню. Потом вышел во двор – на доме хозяйки висел большой амбарный замок. «У неё сестра в городе живет, может к ней поехала и это тоже неплохо» – отметил про себя Иван. Занавесив единственное окно в домике – зажег лампу и осмотрел себя. Слава Богу – ни ран, ни царапин, ни синяков, обошлось. Иван был одет в комбинезон, сверху – телогрейка. Хорошо, что та будка с лицевой стороны была обсыпана гравием, и смертельная схватка происходила не в грязи. Единственной уликой, как-то указывающей на участие его в драке, – замазанная кровью, левая штанина комбинезона. Хотя и жалко было новый комбинезон, Иван вылил на него почти весь керосин, из лампы, сжег комбинезон в печке и растер пепел. Затем – переоделся, вместо флотских ботинок, надел сапоги, собрал свои вещи в солдатский вещевой мешок, проверил документы, деньги и решил, несмотря на ночь и дождь, – покинуть село.

Да, он не виноват, никого не трогал, тем более – не убивал, да кому ты это докажешь!. Чтобы закрыть два убийства – сделают тебя виновным, а потом уже поздно будет искать правду, и свидетелей нет в твою пользу. Тем более, что ты здесь – чужой, квартирант.

Собравшись, он закрыл дверь на замок, оставил ключ в оговоренном месте, и – ушел. Деньги за проживание хозяйка брала только вперед, Иван ничего ей должен не был, поэтому покидал свое место проживания с благодарностью, и, конечно, с тревогой за неизвестное будущее. Что и где его ждет уже завтра?

Он вспомнил, как вчера, когда приехал из рейса и сдал механику автомобиль, дежурный на проходной их автохозяйства сказал, что приходили какие-то два мужика, видно, что нездешних, представились его родственниками; интересовались, где он, кем работает, где живет и как его найти. Узнав все им необходимое, сказали, что постараются найти его теперь сами. Иван не придавал этому значения, какие родственники у детдомовца! И просто забыл об этом. Может это они его сегодня «нашли»? Так почему ничего не спросили, из того, что им было надо, почему сразу полезли в драку, с ножом, как будто встретили его, только для того, чтобы убить. За что? Он никому зла не делал. В общем,

непонятно, но что-то внутри беспокоило и гнало вперед, подальше от этих мест. Что?! Почему? Зачем?.

Пройдя по залитому водой двору, он вышел через калитку, с трудом пересек широкую в этом месте улицу, тоже залитую водой, и уже по противоположной её стороне, вышел на гравийное шоссе. Это была главная «рабочая» улица этой части села. Она перпендикулярно пересекала центральную улицу; в сторону запада она упиралась в колхозный двор, в сторону востока – в шоссе, ведущее в город.

Иван стоял на проезжей части и думал. Покинуть село ему надо было в сторону востока. Да, эта дорога твердая и по ней можно быстро выйти наверх, к шоссе. Но. Она шла мимо места их недавней смертельной схватки. Вроде бы все тихо, но кто знает, что там сейчас на самом деле. Он не стал рисковать, и решил не идти вверх к шоссе, а выйти на него с другой стороны, через северную часть села, все равно двигаться надо в том направлении. Там город, железная дорога, и там проще затеряться среди людей. Пошел по центральной улице, она тоже была подсыпана гравием, но по ней зияли разновеликие многочисленные выбоины, залитые водой. Иван намеревался дойти по этой улице до пересечения с дорогой на паром и уже по ней – подняться вверх к шоссе. Это было наиболее приемлемо и безопасно. Но, видимо, все-таки жизнь решила как-то поддержать его в эту страшную и непонятную ночь: - когда он подходил почти к перекрестку, ему перегородил, по диагонали к дороге, мощный водяной поток. Иван остановился, раздумывая, как его лучше преодолеть, как вдруг со стороны центра, откуда он шел, - показался слабый мерцающий свет и послышался гул автомобильного двигателя. Машина вроде бы шла в эту сторону, но, не доезжая метров двести до Ивана, вдруг остановилась. Из кабины вышел водитель, горела всего одна правая фара. Он не стал её выключать, оставил машину с работающим двигателем, раскрытой правой дверью кабины и пошел в какой-то двор. Через несколько минут он вышел с сумкой в руке и поехал по улице, в сторону Ивана. Иван спрятался за каким-то фанерным щитом, стоящим у дороги и ждал. Он надеялся на ходу взобраться в кузов, когда машина подъедет к месту, где дорогу пересекал поток воды. Не получилось. Там были такие колдобины, что невозможно было в темноте поймать борт. Помогло другое. Машина уже проехала водяной поток, но потом сразу двигатель зачихал и заглох. Водитель, чертыхаясь, вышел из кабины,

открыл оба боковых капота, что-то там тряпкой тер – вытирал, потом взял заводную ручку – она была пристроена перед радиатором, и начал крутить двигатель, пытаясь его завести. Тот только противно чихал, но признаков жизни не подавал. А Иван, водитель первого класса, молодой здоровый парень, с грустью и надеждой наблюдал за мучениями водителя, но выйти и помочь, – просто не мог.

После долгих попыток, двигатель все-таки завелся. Водитель по этому поводу отпустил в темное небо несколько многоэтажных матов и начал закрывать крылья капота. За эту минуту, Иван, преодолев мощный водяной поток и набрав полные сапоги воды, заскочил в кузов и там затих.

Машина была еще довоенного выпуска. Старый бортовой ЗИС-5, с небольшой фанерной будкой в передней части кузова, и двумя поперечными досками в виде скамеек для перевозки людей, с одной рабочей правой фарой освещения дороги, но для Ивана это был подарок Свыше. Он не знал, куда и зачем направляется эта машина, для него было главным то, что она движется и, судя по тому, что она выехала после полуночи, - направляется она куда-то далеко. «Посмотрим, главное, чтобы она меня отсюда вывезла» - колотилось в душе Ивана.

В кузове, на досках, лежал брезентовый пол. Иван замотался в него, постепенно согрелся. Фанерная будка не имела окна, поэтому из кабины в кузов смотреть было невозможно, да и кому это было надо в такую дождливую ночь.

Ехали довольно долго, без остановок; по такой погоде, на машине с одной тусклой фарой и при такой скорости, - далеко проехать трудно, но они все же ехали. Потом дорога стала чуть поровнее, машину не так бросало на ухабах и ямах. Иван услышал, как где-то совсем рядом прогремел поезд. Значит - едем вдоль железной дороги. Только куда, в какую сторону, на запад, - в сторону города Бендеры, или - на восток, в сторону Одессы? Ну – скоро узнаем.

Машина повернула налево, еще немного проехала и остановилась. Иван сразу хотел прыгнуть, но потом передумал и, притаившись, стал ждать. Получилось хорошо. Водитель куда-то пошел, Иван спокойно слез с кузова, отошел метров двадцать в сторону и огляделся. Он узнал это

место. Это была небольшая железнодорожная станция-разъезд, первая станция от Тирасполя в сторону Одессы. Еще во время учебы в автошколе, - их часто привозили сюда на разгрузку вагонов, да и за годы работы водителем, он не раз бывал там по разным причинам. От села, откуда они выехали, – до этой станции, напрямую, было километров пятнадцать, но раз они так долго ехали – значит, прямая дорога была непроходима и двигались вокруг, через город.

Для Ивана это была неожиданная и большая удача: за ночь незаметно пробраться через город, выйти на маленькую станцию и в нужном направлении, – это уже подарок судьбы, возможно - в порядке небольшой компенсации, за причиненные вечером «неудобства».

Он пошел вдоль железнодорожного полотна. Данная станция чаще всего выполняла функции разъезда. Вот и сейчас, в сторону Раздельной, стоял длинный состав порожних полувагонов, а ему навстречу на небольшой скорости, шел товарный поезд с вагонами и платформами, груженными лесом, досками и многим другим, трудно различимым в темноте. Проходя мимо стоящего состава, Иван отметил про себя, что на площадке последнего вагона, нет обычного «главного» - проводника-охранника. Может быть потому, что поезд шел порожняком, а может и по другим причинам. Он прошел вдоль стоящего поезда на несколько вагонов вперед и остановился в затемненном месте, куда не доходил свет от редко развешенных ламп освещения станции. Он уже принял решение, и когда порожняк начал потихоньку двигаться, он, дождавшись последнего вагона, влез на охранную площадку, сел на откидной стул и прислонился спиной к стенке вагона. Поезд набирал ход, впереди был пологий спуск к станции Кучурган, которую прошли без остановки и меньше, чем через полтора часа, состав прибыл на узловую станцию Раздельная, где был припаркован на один из дальних путей.

Иван без проблем пересек несколько железнодорожных путей и вышел к вокзалу. Дело шло к рассвету, уже можно было различать отдельные предметы, не напрягая зрение, хотя тучи и холодная морось продолжали иметь место. Он, не заходя в вокзал, вышел на перрон. Там стоял пассажирский поезд. Паровоз был отцеплен, значит, еще будет некоторое время стоять. Иван прошелся вдоль вагонов, прочитал надпись – «Одесса-Харьков», подошел к одному из вагонов, у входа в который, стояла

средних лет, добродушная на вид проводница, и спросил - действительно ли этот поезд идет на Харьков. Проводница тут же подтвердила, что поезд действительно идет на Харьков, что их маршрут на несколько дней изменили, обычно этот поезд ходит через Вознесенск, а не через Раздельную, но там что-то случилось, делают ремонт или еще что-то, поэтому - поезд временно пустили через эту станцию. Иван сказал, что, скорее всего, он уже не успеет взять билет до Харькова, и спросил у проводницы - можно ли ему пока войти в вагон, а на следующей большой станции, взять билет или, если можно, он ей оплатит стоимость проезда, она быстрее найдет способ достать билет и неважно, где это будет, на станции или в самом поезде.

Проводница назвала стоимость проезда в её вагоне, Иван добавил от себя еще десять рублей за беспокойство, проводница отвела его в пустое купе, выдала постель, принесла чаю с бубликами, пожелала спокойной ночи, и поезд тронулся в путь. Иван перекусил и сидел, откинувшись на спинку сидения, в таком свободном непонятном трансе, еще не веря в то, что он один, в теплом купе, рядом чистая постель, и пока не в состоянии верить, что позади остались все перипетии кошмарной ночи. Что будет дальше, его уже не так волновало, главное - он избавился от всего этого непонятного кошмара. Только избавился ли?! Не раздеваясь, упал на постель и сразу - будто провалился во что-то неведомое и мгновенно уснул. Никто его не тревожил. Проснулся он сам, после довольно резкой остановки поезда. Посмотрел в окно. Вокзал – Полтава - южная. Спросил у проводницы - долго ли будем стоять, та ответила - минут двадцать. Иван вышел на перрон. Там женщины предлагали разные готовые кушанья. Взял горячего картофельного пюре, соленых огурцов, рыбы жаренной, пирожков разных и бутылку газированной воды - «Ситро». Вернулся в купе, плотно покушал, спать уже не хотелось, просто лежал с открытыми глазами и еще раз переваривал в себе то, что с ним случилось.

С какой стороны ни начинал он разбираться – ничего не получалось. Все разбивалось о неизвестное – ПОЧЕМУ?. Его искали, наверное, и сегодня ищут, и будут искать. И, скорее всего вовсе не за вчерашнюю драку. Она (драка) – была уже следствием. Что-то было в начале, до этого. Но Что? Когда? и Где?. Если он сам не знает, что он такое совершил, что его, без всяких разбирательств, приговорили к смерти – то для этого у кого-то

должны быть серьезные основания. Интересно, как прошел сегодняшний день в том селе, где утром были обнаружены два трупа? Какие выводы сделали следственные органы, какие были версии случившегося. Вряд ли именно он был в чем-то заподозрен, но какое-то чувство виновности не покидало Ивана еще долгое время, даже долгие годы. Ведь, если подозревать его в чем-то, никаких оснований у официальных органов не было, то, наверняка такие основания имелись у тех, кто дал команду на его ликвидацию. И они обязательно свяжут воедино ту жестокую драку, с его исчезновением. Такие люди, и такие события, в список прощаемых, - не входят. Значит, история эта, скорее всего, будет иметь продолжение. Пока надо подальше убраться из этих мест, где тебя могут увидеть и узнать. Как бы то ни было, а искали его не по анкетным данным, а по внешнему виду, точнее - по обличью, кто-то знал его в лицо. И именно из тех, кто искал. Кто же он и что ему от меня надо!?.

Иван так и не узнал никогда, чем закончилось дело с трупами тех двух бандитов. Он просто не мог этого узнать, не запятнав чем-то себя. А читателя мы поставим в известность. Когда местный участковый уполномоченный, вызвал из РОВД оперативную следственную группу, то её заключение было скорым и простым: двое залетных бандитов что-то не поделили между собой и прикончили один другого, при этом оба были вооружены ножами, залитыми их же кровью. Позже, выяснили их личности и тем более убедились в правоте выводов следствия. Они были ворами-рецидивистами одной из одесских банд, имели за плечами по несколько «ходовок» на зону и давно ждали такой участи. Дело закрыли, правоохранители, - и в Тирасполе, и в Одессе, облегченно вздохнули, а Иван так и носил в своем сердце чувство вины и не мог вырвать его из памяти. Что ни говори, – а ведь именно он был как бы первопричиной этого дикого и нелепого случая. Иван для себя решил - от греха подальше, надо и отъехать куда-то подальше; хоть на время покинуть и Молдавию, и Украину. Решил двигаться на восток. «Предлагали же после армии на целину поехать, условия были неплохие, а теперь на целину уже не вербуют, придется самому туда направляться»- невесело сказал себе Иван - «только далеко ехать не буду. Не дальше Урала»

В раздумьях быстро пролетело время, поезд подошел к Харькову. Опять ночь, опять – дождь, только это была совсем другая ночь, не похожая на вчерашнюю.

Иван вошел в здание вокзала, нашел расписание поездов и стал знакомиться с направлениями движения. В Харькове пересекались многие железнодорожные маршруты, на все четыре стороны света. Ивана интересовало только восточное направление. У них в автохозяйстве работал медником-жестянщиком один мужик. Френтовик, инвалид. При освобождении Тирасполя, весной 1944 года, он был серьезно ранен в ногу, долго лечился в местном госпитале, а после войны остался здесь и долгие годы работал в автохозяйстве – паял прохудившиеся автомобильные радиаторы охлаждения, работал по жести и т.д., был мастером на все руки. Иван часто общался с ним по работе и вне её, и многому у него научился. Они тем более были одиночки - Иван из детского дома – учился в автошколе, 4 года служил на Флоте, после службы- работал в автохозяйстве на монотонной однообразной работе –возил пустые стеклянные банки из Тирасполя - на консервный завод «Октябрь», что был в селе Глиное. Ждал обещанную комнату в общежитии, но до него никогда не доходила очередь – всегда кому-то было нужнее, чем ему, молодому одинокому парню, за которого некому было ходатайствовать. А тот мужик - медник, все же имел комнату в общежитии, но жил сам и мало с кем общался. Родом он был, из города Орска, что в Оренбургской области, там у него, правда, никого из родных не осталось, но в беседах с Иваном, он часто рассказывал тому об этом славном промышленном южно уральском городе, красивом месте, где он расположен, и очень сожалел, что не может туда вернуться, из-за своей инвалидности.

Может быть поэтому, Иван, подойдя к одной из билетных касс на харьковском вокзале, спросил кассира: « А есть такой поезд, чтобы без пересадок попасть из Харькова в город Орск?». Кассир ответила, что такой поезд есть, маршрут этот называется « Днепропетровск-Барнаул » и за пару дней туда можно доехать, без проблем, и что поезд этот, прибудет в Харьков завтра, в такое-то время и пойдет дальше на восток.

Иван взял билет в купейный вагон до Орска, перекантовался на вокзале до прихода поезда, а затем отправился в далекий и незнакомый Орск.

Пока ждал поезд, подготовил небольшое письмо Галине, диспетчеру автохозяйства, где он работал, с просьбой, чтобы она написала заявление от его имени об увольнении по семейным обстоятельствам. И пусть

попросит потом его трудовую книжку и, если дадут, просто хранит её, пока он не заберет. Причитающиеся ему какие-то расчетные деньги - пусть возьмет себе, в порядке поощрения за беспокойство. Главное, чтобы на работе знали, что он уехал по срочной причине, а не сбежал куда-то, и, что он благодарит всех за все, а её, Галю, в первую очередь. Руководство автохозяйства знало об дружеских отношениях Галины с Иваном и поверит ей на слово, тем более она может показать его письмо-просьбу.

Ивана с Галей давно связывала добрая теплая дружба. Был бы Иван более открытый и поуверенней в себе, - они бы давно были бы вместе. Но «детдомовский сиротский синдром» одиночества и неопределенности, так и не дал ему решимости сделать буквально последний и решительный шаг к их сближению. Об этом он будет жалеть всю жизнь, но ничего исправить так и не сможет.

Письмо он хотел опустить в почтовый ящик на вокзале, адрес на конверте был Галин, домашний, Иван знал его хорошо, а писать на автохозяйство было нельзя. Так он думал сделать, но письмо так и не отправил, а порвал его на мелкие части и выбросил. Нельзя - так нельзя, и раз я исчез, пропал для всех, – пусть так и будет. И не надо навлекать беду на других людей, ни в чем не виноватых. Пусть все считают, что меня больше нет, а там, - посмотрим, -думал Иван, покидая город Харьков.

Уже к вечеру, поезд, вместе с Иваном, покинул пределы Украины. Пересекли Дон, Хопер. Иван любовался просторами великой страны, восхищался её красотами, даже при такой ненастной погоде.

Мимо мелькали города, села, большие и малые станции. Пересекли Харьковскую, Белгородскую, Воронежскую области, зацепили краем Сталинградскую.

Где-то сутки двигались под дождем, то мелким, – то сильным. Небо темной непроницаемой шапкой висело над землей. А для Ивана, все эти мелькающие в окне вагона, как на экране в кино, мокрые серые картины, были приятны и близки. Уже не так волновала неизвестность, он верил, что везде живут люди, наши люди, значит, и он сумеет там жить. Потому что сам был одним из них. Никогда никому не делал зла, добросовестно

работал и всегда по-дружески относился к тем, кто находился рядом, где бы это ни было. Посмотрим.

На второй день путешествия погодная ситуация резко изменилась. Когда Иван проснулся, – в купе было необычно светло, даже непривычно как-то. Выглянул в окно, а там сказочная красота – покрытые мохнатым инеем деревья и кустарники, так ярко блестели на солнце, что было больно смотреть. Инеем была покрыта вся земля, трава и все вокруг. Когда подъезжали к Волге, – иней сменился снежным покровом, а за Саратовом, – уже вовсю, царствовала русская зима. От Саратова до Орска, оставалось ехать еще около тысячи километров, и около суток по времени, но зима уже не уходила, только укреплялась в своих правах. Сидя в теплом купе, Иван любовался снежной экзотикой, не испытывая особого волнения за то, что будет дальше. Пошли бескрайние саратовские, уральские, потом оренбургские степи. Он видел в окно, как работают на улице люди, ездят тракторы, машины, запряженные лошадьми, – большие и малые сани, как весело вьются дымки над крышами домов. Значит у них все нормально. Живут люди.

Дважды переехали легендарную реку Урал, проехали Оренбург, дальше пошли южные отроги Уральских гор, по краю которых, в долине бежала река Урал, а вдоль неё, немного выше, слева – по ходу на восток, – шла железная дорога.

Конечно, Иван слышал, что Урал – это всесоюзная кузница, это тяжелая промышленность и т.д. Но, когда они проезжали город Новотроицк, мимо Орско - Халиловского металлургического комбината, с его огромными доменными печами, разными вспомогательными цехами, где все дымилось, шипело, стучало и парило, где над всей территорией и за её пределами, небо было покрыто разноцветными облаками, убеленными пылью от цементного комбината-гиганта, – он не понял, он почувствовал, что такое настоящая металлургическая промышленность, и промышленность вообще. Стеклотарный завод, при котором он работал – тоже промышленное предприятие, но после того, что он увидел здесь, даже со стороны, у него понятие о «промышленности» здорово изменилось. Он был просто поражен всем увиденным. Хотя, если честно – все, что он увидел, – больше ошеломило его, напугало, чем

заинтересовало. Это было не его направление, и он сюда никогда не придет. Это понятно.

Когда проехали прокопченный насквозь Новотроицк, перевалили через гору, - поезд на небольшой скорости, начал втягиваться в территорию города Орска.

Глава шестая.

И здесь коррективы в дальнейшую жизнь Иона, внесла Анна. Она радостно сказала, что договорилась с мужем, и он разрешил ей продлить срок пребывания в санатории еще на половину, то есть на двенадцать дней. Ион тут же подыграл ей, передав десять тысяч рублей, полученных от Эллы, и сказал: «Пожалуйста, возьми эти деньги от меня и заплати, сколько надо за продление твоей путевки и моей курсовки. Во-первых, – мы это заработали, а во-вторых – мы этого очень хотим, а в-третьих, - это – не обсуждается!». Анна радостно обхватила его руками и стала осыпать поцелуями, а потом, сидя в обнимку на диване, ласково прошептала: «Спасибо, Йеня, а то я думала, что старуха тебе уже надоела!». «Ты - старуха!?» - Ион вскочил с дивана, как пушинку поднял её на руки, и закружился по комнате.

Они целых полмесяца просто отдыхали. Ходили в театры, музеи, катались на прогулочных катерах, загорали на пляжах. В карты Ион не играл, хотя были приглашения из других санаториев. По совету Эллы Иосифовны, он выдерживал паузу, появлялся в разных местах с Анной, где только было возможно. Но, за ним по пятам уже пошла, - Она, Слава, Известность. Пока, - осторожная, прикидочная, но пошла. Она уже вышла из приморской курортной зоны и постепенно, как некий вирус, распространялась по городу. А он молчал и не пытался лишний раз показать свои способности в игре.

Потом Анна уехала. Ион как-то сразу выпал из зоны влияния Розы, с её запрограммированной чередой санаторных «жениханий», он шел по своей дороге сам. Так ему рекомендовала Эльвира Иосифовна. Нет, она не прекратила отношения с Розой, в этом направлении, даже иногда «откупалась» от неё за неиспользованного по её плану Иона, но все-таки, в отличие от остальных ребят из группы Розы, которые по определенной

схеме переходили из санатория в санаторий, как наемные «партнеры», по крайней мере, на весь летний сезон (зимой санатории, как правило, заполнялись людьми, нуждающимися в лечении и реабилитации, которым было не до любовных утех), Ион имел определенную свободу, как человек, для которого, нахождение в санатории, – было лишь правом попасть туда, для более серьезных дел, чем ублажение любвеобильных женщин-отдыхающих.

Засветившись во многих местах вместе с Анной и заработав определенную известность, он переваривал в себе все события прошедшего лета, вспоминал и анализировал отдельные эпизоды, искал возможные просчеты и ждал указаний от «хозяйки». Эльвира Иосифовна, скрупулезно собирала информацию об «игровых событиях» в городе, в том числе и от Аркадия, и его окружения. Насколько было возможно, группировала такие новости и готовила очередной выход Иона в свет. Надо было не только взять у кого-то деньги, а еще знать – у кого их можно брать, а у кого нельзя. Это было еще сложнее.

Три года Ион находился в таком полулегальном состоянии. Да, был запущен слух, что он решил поселиться в Одессе, потом, что он официально зарегистрировался в городе (это была правда), но больше о нем никто ничего не знал, да и не должен был знать, по мнению Эльвиры Иосифовны.

Три года подряд приезжала отдыхать Анна, Ион всегда в это время, был при ней и все у них было более, чем хорошо. И играл при ней Ион неоднократно, в том числе за пределами санатория. От такого ХОРОШЕГО, на третий приезд, Анна уехала домой беременной и, к безмерной радости своего мужа, на следующий год подарила ему прелестного мальчика.

Ион об этом не узнал, а Анна больше в Одессу не приезжала. После Анны, душа Иона ни к кому не потянулась, он, если уж и выходил на «работу» в санатории, то, как наемный затейник-развлекатель. И еще, – как они с Эльвирой Иосифовной договаривались, у него появились деньги. Свои деньги. Это было необычно для бывшего вора, но он и к этому быстро привык. Хуже были дела у Жеки. Его подруга, тоже молодая миловидная девушка, забеременела в первый же приезд. Узнав дома об этом, она вернулась в Одессу, нашла Жеку, все рассказала.

Эльвира Иосифовна, чтобы избежать ненужных проблем, решила их поженить и оставить жить в том флигеле, где жили Ион и Жека, а самого Иона, переселить в большой дом. Вроде, как временно.

Так они и жили. Жека уже чаще работал по заданиям Эльвиры Иосифовны, но должен был всегда, когда на «дело» шел Ион, – быть с ним рядом. Доходы Иона вполне окупали все затраты и приносили хорошую прибыль.

Но не может же все быть только хорошо. Когда Анна последний раз уезжала и, как потом оказалось, – навсегда, Ион, как обычно, проводил её, потом заехал в «Пассаж» на Дерибасовской, за какой-то там надобностью, и вышел на Греческую площадь, чтобы ехать домой. В то время на этой площади, была автобусная станция. Проходя мимо станционного буфета, Ион решил зайти выпить кружку пива, на улице было жарко, да и расставание давало о себе знать. В буфете было два входа. Несколько «стоячих» столиков были свободны. Не доходя метров пяти до одного из них, Ион увидел стоящего лицом к нему...самого себя..., только в матросской форме и с погонами старшины первой статьи. У него перехватило дыхание и он бросился к тому парню с криком : «ВАНЯ!». Парень, обогнув стол, бросился ему навстречу : «Ион!». Братья обнялись.

«Откуда ты?» -налетел на брата Ион- «Я тебя уже полжизни не видел, да и не надеялся больше увидеть. Я тогда сильно болел, почти ничего не помню, а про тебя спрашивал в приюте, называл твои данные, но никто ничего не мог сказать. Где, как ты, давай рассказывай!».

Иван, который только вчера демобилизовался, а утром выехал из Николаева, помня их отношения до расставания в Аккермане, не стал раскрывать истину. Сказал, что служит, остался еще почти год, а сейчас едет в отпуск, в Тирасполь. Он раньше там был в детдоме, закончил автошколу; перед призывом немного работал водителем, а теперь вот на службе, тоже работает водителем, третий год подряд. Носит флотскую форму, потому, что служит в системе Черноморского флота. Сказал, что еще в детском доме, обращался к руководству по вопросу нахождения Иона, но никаких сведений о нем получить не удалось.

Ион рассказал, что он, по чьей-то неряшливости или разгильдяйству, носит сейчас другую, искаженную фамилию, другие - отчество и национальность. Сперва, пытался вернуть все, так как надо, но в приюте объяснили, что его записали так, как он прибыл по документам из Аккермана, поэтому – ничего переделывать не будут, так как нет на то официальных оснований. А потом, – мне уже было все равно, – подытожил он.

Странное дело, Ион, вроде бы уже набрался какого-то жизненного опыта, почувствовал определенный вкус жизни, а в обращении с братом, по старой памяти, опять становился тем прежним Ионом, со всеми своими неприятными «небратскими» особенностями.

Он сразу начал расхваливать свою нынешнюю «свободную» жизнь, посетовал, что Ивану еще служить, а то он и его пристроил бы в «вечные женихи», кочующие из санатория в санаторий, и живущие за счет приехавших за развлечениями любвеобильных женщин.

Мы бы с тобой так зажили! – распалялся Ион. Похожие, как две капли воды, мы могли бы подменять и подстраховывать друг друга, в разных ситуациях и какие только дела можно было бы делать, работая на пару! Он также сказал, что у него теперь появились авторитетные покровители, правда, у них не всегда хорошие отношения с действующими законами, зато они имеют все, что пожелают, и он среди них тоже не последний человек, и, понятное дело, ему тоже кое-что перепадает. «Давай, Ваня, заканчивай свою службу и прямиком сюда, к нам, не пожалеешь», – продолжил Ион, и вдруг резко осекся, и, ни сказав, ни «здравствуй», ни «прощай», быстро развернулся и вышел через ту же дверь, в которую вошел. Иван даже не успел ничего ни спросить, ни сказать, даже подумать – был ли Ион только что здесь, или все это ему почудилось...

Он повернулся назад, – в заднюю от него, дверь вошел милицейский патруль, двое сержантов, и лейтенант. Они осмотрели помещение и прошли на выход в противоположную дверь. «Наверняка, Ион из-за них так быстро исчез» - подумал Иван - «значит, или грех какой-то имеет, или уже по привычке от милиции бегаешь; а ведь так и не успел сказать свои координаты и где его можно будет найти. Вроде бы вырос, прилично выглядит, а внутри пока все осталось по-старому. Не родной

какой-то. В общем - столько лет не было брата, и –опять, наверное, не скоро увидимся».

Пришел автобус на Тирасполь, Иван уехал. Больше братья ни в Тирасполе, ни в Одессе, и нигде более в этом регионе, – не встречались. Никогда.

В скором времени случилась еще одна более чем неприятная история с нашими действующими лицами. После очередного неплохого выигрыша, Ион позвонил Эльвире Иосифовне, попросил её приехать и забрать деньги. Эльвира серьезно где-то простыла, была высокая температура, она не смогла приехать, но и деньги оставлять у Иона не хотела. Поэтому приказала привезти их к ним домой. Телефон-то Ион знал, а точный адрес «хозяев», не помнил. Когда он пригонял найденную машину, то его остановили не возле дома, а где-то рядом.

Эльвира назвала адрес и сказала, как лучше к ним добраться. Был бы дома Аркадий, не было бы проблем, но он был с директором в командировке, в Киеве, и приедет только через несколько дней.

Ион отвез деньги по указанному адресу, и здесь случилось то, что не нужно было, но неизбежно должно было случиться, раньше или позже. Ситуацию Эльвиры с Аркадием, создали (вырастили) сами, своими руками. Иона, позвонившего в дверь, встретила Элла - младшая, единственная дочь Эльвиры и Аркадия. Элла была уже взрослая девушка, после школы закончила фармакологическое отделение медицинского училища. Внешне, была улучшенной копией Эльвиры Иосифовны в молодости, но без всяких ограничительных комплексов, как единственная дочь в такой «благополучной» семье. Красивая, хорошо сложенная, всегда модно одетая, она привлекала взгляды многих мужчин, и молодых, и не очень, но все они без исключения, знали, чья она дочь, и свои воздыхания, загоняли поглубже в себя, чтобы не только кто-то, а и они сами на это, «святое», а скорее, –очень опасное, не посягали, ни умом, ни сердцем.

Элла попросила Иона подождать, зашла к маме, сказала, кто пришел и зачем. Эльвира разрешила Иону войти, он передал ей деньги, в нескольких словах обрисовал текущую свою и Жеки, жизнь, поинтересовался перспективами дальнейшей деятельности своей группы,

получил указания, выраженные одной фразой : «Я –позвоню», и откланялся. Элла его проводила до калитки.

С этого момента все в жизни «группы Эльвиры», перевернулось с ног на голову. Случилось то, чего не ожидал никто – ни со стороны семьи Аркадия, ни со стороны Иона и Жеки, и вообще - ни с какой внешней или внутренней стороны. Любимица отца и надежда мамы, Элла, с первого взгляда, вполне уместно сказать,- безумно влюбилась в Иона....

Мало того, Ион, наверное, не успел еще добраться домой, как Элла поделилась этой новостью с мамой. Причем поделилась в более чем требовательной форме. Она знала, что мама курирует группу ребят, зарабатывающих ей деньги по санаториям, но чтобы ей, Элле!, не показали сразу этого Йеню, а пустили его, как бугая, в это стадо похотливых баб, приезжающих сюда «отдыхать» - это уже слишком! «Это мое» – твердо заявила Элла маме, – «И я никому его не отдам, а сама - возьму! И, если он сегодня там кого-то ублажает, то с завтрашнего дня – пусть сидит дома и ждет меня! Надеюсь, – ты меня поняла, мама?!».

После такого заявления, у Эльвиры Иосифовны сразу пропали все болезни. Она прекрасно знала свою двадцатилетнюю дочь, вспомнила себя в её годы и поняла, – что всё, конец всем её надеждам и конец очень, очень многому, о чем она Эльвира мечтала. Слава Богу, что отца сегодня дома нет, неизвестно, чем бы все это закончилось.

«Йоню винить не в чем, может только в том, что он такой, притягательный. Да, он здесь не причем, но что я скажу Аркадию? Придется спасать и парня, которого сама я вырастила, и семью в целом. Но как?! Элла теперь не отступится. С Аркадием говорить будет проблема, он может просто убить Иона, но этим ничего не исправишь! Элла - вот основная проблема, которая просто не решается. Её, любимицу, никуда ведь не денешь. Был бы виноват Йеня- никаких проблем бы не было, и его самого тоже. Уже сегодня. Что же делать??!».

Пока Эльвира ломала голову над неожиданно возникшей проблемой, Элла, не обремененная ни моральными, ни даже физическими проблемами, связанными с будущим её и увиденного в первый раз парня, - сама поехала к нему. Ион как раз собирал во дворе осыпавшиеся листья, подошел, поздоровался. «Ты сейчас «работаешь» в санатории?» -

сходу спросила Элла. «Нет, не работаю, - ответил Ион, я жду указаний от твоей мамы, чем заниматься дальше».

«Боюсь, что маме сейчас будет не до ваших общих дел»- серьезно сказала Элла, - после того, как ты ушел, я сказала ей, что ты МОЙ, единственный, и я тебя никому не отдам!. Ты прости, Йеня, я никогда такого никому не говорила, а вот тебе говорю. И мне не стыдно, не потому, что я такая бессовестная, а потому, что говорю правду!».

«Да ты что!»- опешил Ион, - да они же меня сразу убьют, ты же знаешь!». «Пусть попробуют! – загадочно улыбаясь, проговорила Элла –«Не посмеют! Они меня хорошо знают, поверь мне. Понимаю, что насильно мил не будешь, но помни, Йеня, после своих таких слов, я убью тебе раньше, чем они, причин будет сколько угодно, – изнасилование, грубое оскорбление и т.д. и т.п.. Найдутся и исполнители. Но, я не за этим к тебе пришла. Я хочу, я очень желаю, чтобы ты всю мою жизнь, был рядом, по-настоящему, а не как наемный ублажатель. Возможно, и ты меня полюбишь, я не такая уж и плохая».

Ошеломленный Ион, только и смог выговорить: « Ты мне тоже сразу понравилась, Элла! Но, разве я мог даже подумать что-то в твою сторону!. В этой игре – я пас». «Спасибо, Йеня, за понимание, и хорошо, что отца сейчас нет дома, а то неизвестно еще, как мама все это переживет и как ему представит. Как хочешь, но завтра ночью, я буду у тебя»- голосом, не терпящим возражения, весело добавила она и уехала.

Прошло несколько месяцев....

На стеклянной двери одного из престижных одесских ресторанов, рядом с важно стоящим усатым швейцаром, был прилеплен большой лист бумаги, на котором крупными буквами, от руки было написано: «Сегодня вечером - в ресторане собрание пайщиков. Посторонним вход воспрещен». Швейцар никаких комментариев не давал – закрыто и все, люди готовятся.

К вечеру начали собираться «пайщики», солидная, наверное, была организация, потому что все приезжали на новеньких машинах –«ЗИМах», «Победах» и шикарных трофейных. Те, кому было надо, –знали, что сегодня, один из самых авторитетных людей в городе, Аркадий, выдает

свою единственную дочь замуж, и здесь, в ресторане, будет проводиться торжественное мероприятие – Свадьба.

Гостей было много, но только все свои, посторонних туда не приглашали. В основном это были разного уровня авторитетные в городе люди, позже их часто называли «шахтеры», то есть те, кто может найти, извлечь или достать все, даже из-под земли. Многие были с женщинами, женами или подругами, некоторым жену было иметь не положено, они были с близкими друзьями.

Такие «общие собрания», проводились нечасто, поэтому гости оживленно общались между собой, вспоминали, узнавали, выясняли отдельные вопросы, а потом, – всех пригласили за стол. Конечно, такой «стол» мог быть накрыт только в Одессе и для очень уважаемых гостей. Одно перечисление блюд и напитков, заняло бы пару страниц. Наконец, все расселись, успокоились, приготовились к началу торжества.

Главный на этом вечере, Аркадий, постучал вилкой по горлышку бутылки шампанского, привлекая к себе внимание, дал команду официантам наполнить бокалы, затем, выдержав минутную паузу, поднялся сам, взял бокал и выступил с приветственной речью:

«Хочу обратиться ко всем присутствующим. Здесь собрались родные и близкие мне люди. Я не часто выступаю перед столь почтенной публикой, поэтому заранее прошу прощения, если что-то скажу не так. Не знаю, как вас и назвать, – однобандитниками – неэтично, однополчанами – так же, как и однополканами, – грубо и неправильно, соратниками, – ну какая там из нас Рать..., думаю наиболее правильное было бы назвать наше сообщество – «Работники невидимого фронта». Что-то в этом есть, близкое к нам.... Понятия: – Друзья, – Товарищи, у нас тоже не в большой моде, поэтому, учитывая то, что сегодня все-таки у нас свадьба, я буду к вам обращаться по свадебному, – Дорогие гости. Ибо это и есть так, – вы – таки гости, и дорогие.

Конечно, вы все знаете, что выходит замуж наша любимица, наша единственная дочь, наша красавица, Элла. Её вы все видели и знаете. А вот её жениха, а с сегодняшнего дня и мужа, мало кто из вас знает. Должен вам признаться, что раньше, его искала вся городская милиция и так и не смогла найти, а наша Элла..., дай бог ей здоровья, – взяла и

Нашла!, да так хорошо нашла, что, как мы сегодня видим, - стала его женой. Зять нашего зовут Ион, Йеня, по-нашему. Он наш земляк, с Одесщины. В его молодом красивом теле, намешано разных кровей, больше, чем даже во мне, – и греческой, и румынской, и украинской, может быть какой-то еще. Парень он достойный, способный, а по характеру, скорее всего, перещеголяет и меня. Многие из вас помнят меня молодым. Так вот наш зять, похож на меня, но думаю, он имеет гораздо больший потенциал, даже по сравнению со мной и, надеюсь, он еще его раскроет с нашей помощью. Прошу его любить и жаловать. Но мы еще вернемся к нашим молодым. Будут еще и «Горько и Сладко», и все, что с этим связано. Хотел бы, пользуясь моментом, кое-что сказать за жизнь, так, в порядке рассуждения.

Раньше в Одессе не любили евреев и советскую власть. По разным причинам. Ну, то, что не любили нас, - то понятно, а почему не любили советскую власть? Вы можете смеяться, но я с этим не согласен. Вы посмотрите вокруг, большинство из того, что мы сейчас имеем, как раз и дала советская власть. Многие из вас помнят, как мы жили раньше, – держит наш человек, к примеру, шинок-буфет, или какую-то мастерскую, делает какую-то копейку, и каждый день, и ночь, боится – трясется, что кто-то придет, отнимет – ограбит. А как пришла советская власть, многие наши люди надели кожаные куртки, навесили на себя огромные маузеры, и уже их стали все бояться. А возьмите наших девушек. Раньше, уходя на ночь, они считали за счастье, вытянуть из кармана какого-нибудь пьяного иностранного матроса, мятый доллар, а сегодня – немало наших девушек работают женами начальников разных уровней, и те начальники, не только приносят домой, то, что они пожелают, а еще и разрешают им командовать собой.

Где-то я слышал, что было такое место, Эльдorado, называлось. Там, вроде бы много золота добывали. Знаете, я уже кое-что видел на этом свете и могу сказать свое мнение – все эти эльдорады, вместе взятые, никогда не сравнятся с этой страной, где мы сегодня живем, нашей Россией. У неё столько природных богатств, столько ценностей накоплено в различных музеях, галереях, дворцах и т.п., что их красть – не перекрасть, грабить – не пере грабить, ломать – не переломать! А это значит, что работы у нас с вами, - еще непочатый край, на не одну сотню лет хватит! Помните: Россия – это и есть наше Эльдorado! А наша Одесса

- главная жемчужина на российском Юге! При нынешней власти, после Сталина, опять некоторые люди, в том числе и одесситы, начали проситься на выезд за рубеж. У меня нет слов, чтобы охарактеризовать мысли и действия таких людей. Я их не понимаю. Как можно поменять Одессу на какое-то другое место?! Где вы найдете такую первую на Юге России, черешню, настоящий абрикос или персик, первый ароматный настоящий огурец или помидор! А наша камбала, а раки, а селедка, а тюлька? А вообще – ОДЕССА, её люди!?. Разве можно променять это все на что-то чужое, пусть сверху блестящее и привлекательное?.

Нет, дорогие гости, мы должны быть только благодарны Богу, что живем и работаем в этой стране, и в этом, благословенном городе! В заключение, хочу поздравить вас еще и с тем, что именно в этот период, никто из нашей компании, не шлифует нары на зоне, а присутствует здесь. А то у нас часто так бывает, - наиболее уважаемые наши люди, чалятся на нарах, в то же время, - наиболее неуважаемые всеми люди, -пытаются учить нас жить. Простите, что долго говорил, но это бывает у меня редко, да и когда мы еще соберемся в такой приятной компании! А теперь к главному на сегодня. Мы с Эльвирой, сердечно поздравляем наших молодых с началом новой жизни, дарим им сегодняшний стол, а еще - дочке я дарю свой дом на бульваре, это наш семейный корень, а зятю - автомобиль «Москвич». Пусть пока на нем поедит, заработает на лучший, - поменяем! А теперь, - выпьем за здоровье молодых!».

Зашумел зал, выпили гости и дружно заплодировали. Потом были тосты, поздравления, подарки, поцелуи и все, как на свадьбе. Ион и возбужденная Элла, с заметно округлившимся животом, отвечали на поздравления, целовались под крики «Горько».

Еще через несколько месяцев, у Эллы появились на свет двойняшки - мальчик и девочка (сработало генное наследство Иона). Аркадий с Ионом, несколько дней принимали поздравления, да так интенсивно, что у Аркадия начало покалывать сердце. Он был безумно счастлив, тем более, что мальчика называли в честь деда, – Аркадием, девочку в честь матери Эльвиры Иосифовны, – Розой. Бабушка с дедушкой, были на седьмом небе от счастья, забрали Эллу с детками на время к себе домой, чтобы постоянно ими любоваться и не знали, как им лучше угодить.

Ион помогал уже не только Эльвире, но и Аркадию в отдельных делах. Ни о каких там санаториях речь, давно не шла, еще с той ночи, когда к нему впервые пришла Элла. Ион редко играл, только по наводке и по-крупному. Люди Аркадия находили ему приезжих «клиентов», чтобы не обижать своих местных любителей и помогали с участием в игре.

Дошло до того, что от него стали «откупаться» отдельные местные шулера. Они, на устной договорной основе, платили ему процент от своих выигрышей, при условии, что он или вообще не будет играть в конкретной игре, или просто поучаствует для вида, не мешая (договорному, другому) сорвать банк. Шли к концу пятидесятые годы. Маленькие Аркадий и Роза, уже начали ходить и разговаривать на радость родителям и дедушке с бабушкой, которые внучат просто боготворили. Были забыты все неприятности, связанные с вынужденной свадьбой Эллы с Ионом и все вроде бы складывалось благополучно.

Но опять случилось нечто страшное. Это была не ложка дегтя в бочку меда, а скорее – бочка дегтя на две семьи сразу, – и молодую, и старую.

Как обычно, помощники Аркадия пронюхали о приезде в Одессу какого-то богатого ловеласа – любителя (и мастера) картежной игры. Сообщили об этом Аркадию, он дал Иону добро на игры, с участием того, приезжего. Кто он такой, – никто не знал, но за несколько дней, он сильно означил свое пребывание в Одессе, сорвав несколько крупных ставок.

Иону устроили доступ к игре, которая должна была проходить в одном подпольном игровом месте. Туда собрался весь цвет городских любителей карточной игры. Ион уже имел определенный авторитет в игровой среде, и всем было интересно, как пройдет его встреча с приезжим мастером. Игра была очень напряженная, нервная, но закончилась в пользу Иона. Банк более, чем в сто тысяч рублей, был им забран, при всеобщем внимании и контроле. Приезжий парень, не имея объективных претензий к Иону, начал плести какую-то околесицу, угрожать, и Иону, и всем присутствующим, даже полез на Иона с кулакам, но его успокоили, а Ион вместе с Жекой, вышли на улицу; там Аркадий, по звонку Жеки, уже подъехал прямо к выходу из подъезда, и они - уехали.

Дома Эльвира посчитала деньги, позвала мужчин и торжественно заявила, что можно считать, что Йеня получил Ленинскую премию за прекрасную работу на карточном столе. Они обмыли выигрыш и отправились спать.

Рано утром Аркадию позвонил главный «смотрящий» по Одессе и попросил срочно приехать. Когда Аркадий к нему зашел, Главный был очень встревоженный. «Большая беда у нас, Аркадий. Мы с тобой давно знаем друг друга, иначе я бы тебя не приглашал. Твой зять вчера где-то играл?»- прямо спросил Главный. «Да, играл»- также прямо ответил Аркадий. «Там твой зять, повздорил с приезжим игроком». «Не он повздорил, а тот игрок пытался повздорить»- вставил Аркадий. «Да это уже не важно, - продолжил Главный, – через час после игры, того парня, нашли на улице, с перерезанным горлом. И это еще не все. Он оказался единственным сыном главного «смотрящего» по Киеву, читай - по Украине. Тому сообщили, он уже летит сюда с двумя какими-то генералами или полковниками, я послал за ними машину в аэропорт. Ему доложили о ссоре сына с твоим зятем, и теперь все пути обвинения тянутся к нему.

«Ион не делал этого» - твердо сказал Аркадий, - «во-первых я сам его забрал у подъезда того дома, где шла игра, сразу как он вышел, во-вторых, – он был с женой у нас всю ночь, а вы говорите, что того парня через час уже не было в живых!». «Да кто там будет разбираться на таком уровне!. Тот, киевский главный, буквально взбешен, он согласен перебить половину Одессы, неважно, правых или виноватых, лишь бы отомстить за смерть единственного сына!»- сокрушенно добавил хозяин. «Причем, он, зная, что и ты к этому как-то причастен, Ион все-таки твой зять, уже из Киева забил по телефону на утро завтрашнего дня, городскую «сходку». «Это чья-то подстава на Иона, из наших местных; решили одним ударом убрать двух конкурентов»- проговорил Аркадий.

«Подстава это или не подстава, – уже никого не интересует» - продолжил Главный, - «им нужна публичная жертва, нужна кровь и они ни перед чем не остановятся. Короче, Аркадий, - у тебя есть сутки на решение проблемы. Или ты находишь настоящего убийцу и выдаешь его киевлянам, или придется отдать им зятя. Завтра на сходке, они обязательно поставят крест на нем, потому, как ты прекрасно понимаешь,

настоящего убийцу за сутки не найдешь, да и кто будет его искать?.Твои свидетельские показания, понятно, приниматься в расчет не будут. Очень для многих будет выгодно, если будет ликвидирован именно твой зять. Повторяю, очень для многих, да и тебе они с удовольствием подпортят репутацию. Больше мне сказать тебе нечего, Аркадий, при всем моем к тебе уважении. Итак, до завтра, хотя, если будут какие-то новости, – звони в любое время».

Сокрушенный Аркадий, приехал домой и срочно вызвал Иона, рассказал, все, что узнал от Главного и спросил, что Ион сам думает обо всем этом. Ион сказал, что убийство совершил кто-то из местных, из тех, кто присутствовал на игре, неважно, играл или нет, но был там и все видел. Может в отместку Иону за что-то, или по другим причинам, но момент подобрали удачный. И еще, тот, кто убивал или нанимал убийц, скорее всего, знал, что тот парень из Киева, и чей он сын, иначе бы какой был смысл его убивать, если бы за ним никто не стоял, а за Ионом - был Аркадий.

«Понимаешь, Йеня, ситуация для нас патовая, безвыходная; все идет только в одну сторону, и только против нас. Что делать?. Никто наши аргументы даже слушать не будет. Местные, «в законе», будут сидеть завтра, поджав хвосты, кому хочется из-за кого-то иметь большие неприятности. А у тех, из Киева, – все уже решено, осталось только формальности уладить, чтобы было «по понятиям», сходку собирают для формы. Что получается. Отдать я тебя не могу, ты мне, как сын уже. Но если я тебя даже надежно спрячу, приговор падет на меня, если и я куда-то денусь, они не остановятся и найдут Эльвиру, и Эллу, и деток, и обязательно - ликвидируют их, прикрываясь теми же «понятиями». Что же делать? Чувствую, - мы последний день находимся с тобой вместе. Где он взялся на нашу голову тот ловелас киевский?.Деньгами от них не откупишься, даже многими миллионами. Раз они уже публично заявили об этом, а завтра намерены передать мне официально «предъяву» на счет тебя, значит, обратного хода нет. Вот так сынок.

Долго сидел Ион, молча, сидел и смотрел в одну точку, что-то взвешивая в голове, потом решительно встал, сказал Аркадию: «Я знаю, что можно сделать!»- и вышел из комнаты. Аркадий даже не обратил внимания на это, но, через несколько минут, Ион вернулся и трясущейся рукой,

протянул Аркадию, небольшую фотографию (6х9), сказав при этом: «Можете отнести это Главному, это и есть искомый убийца того киевского парня».

Ничего не понимающий Аркадий, взял фотографию, посмотрел на неё, там был запечатлен Ион, в клетчатой рубашке и сером пиджаке. Аркадий перевернул фото, на обратной стороне, химическим карандашом было написано: «Кирияк Иван Георгиевич, 1932 года рождения, водитель, где-то в Тирасполе». Аркадий спросил: «Что это?». «Это мое фото, но данные на обороте, моего брата - близнеца, Ивана, мы с ним абсолютно похожи, никто об этом не знает, да и данные анкетные у нас разные. Несколько лет назад, я его случайно встретил на автостанции, здесь, в Одессе, он тогда в отпуск ехал в Тирасполь, из армии. Думаю, что он там и сейчас находится или где-то рядом и, надеюсь, что у него нормальная, наша, родная, фамилия, имя и отчество. Те люди смогут его легко найти. Пусть брат меня простит, возможно, он и пострадает, но за всех нас, за целых две семьи, а мы за него будем Бога молить».

Ион взял в руки фотографию, посмотрел на себя еще раз и сказал, уже обращаясь как бы к Ивану: «Еще раз прошу тебя – прости, Ваня, так надо, очень, не для меня одного, я бы такое для себя не сделал, а для нас, брата твоего, племянников твоих родных и наших родителей, здесь живущих. Ни ты, ни я, ни мы все, не виноваты в данной ситуации, но из всех зол, – это будет наименьшее. Прости, может еще и все обойдется, но сегодня - так надо!».

«Аркадий Львович, надеюсь, вы знаете, что надо делать!» – Ион встряхнул вконец разбитого тестя, – «думаю, надо упредить события, которые могут стать необратимыми». Аркадия, как будто током ударило: «Да, да, я сейчас», - засуетился он и только после нескольких минут, до него дошло все перед этим происшедшее. Он взял себя в руки, почувствовал уверенность, и от растерянности даже не знал, что сказать Иону. Только и выдохнул: «Ну, ты даешь, Йеня!», быстро собрался и без всяких предупреждений, отправился к своему Главному, от которого пару часов, как уехал. К счастью, киевляне еще не прилетели по каким-то там погодным причинам, и Аркадий спокойно объяснил, как предлагается красиво выйти из создавшегося положения. Он рассказал все, что узнал

от Иона и предупредил Главного, что теперь он будет третьим, кто знает тайну братьев-близнецов, со всеми вытекающими последствиями, но это единственный способ решить проблему. Главный был опытным вожаком стаи, все понял, его тоже все устраивало, он взял фото и стал ждать гостей из Киева.

По их прибытию, им было доложено, что предполагаемый убийца скрывается в Тирасполе, это другая республика и т.д.. Для Главного, из Киева, это не было проблемой, его сопровождающие, сперва показали фото некоторым игрокам, которые подтвердили, что да, этот человек играл с ними в ту ночь, а потом оперативно наняли местных, одесских профессиональных ликвидаторов, вручили им фото, с данными Ивана и те выехали в Тирасполь. Они получили приказ – уничтожить его только ножом, без всякого огнестрельного оружия. Кровь -за кровь.

Уже не второй день, заказчикам-киевлянам, передали сообщение по телефону, что человек, который на фото, - найден. Все его данные сходятся, работает водителем при стеклотарном заводе, сегодня посыльные уточнят, где он живет, и вечером приступят к его ликвидации. Пусть заказчики будут спокойны, - все будет сделано, как надо, на высшем уровне.

Получив исчерпывающую подтверждающую информацию, Главный из Киева, поблагодарил своего одесского коллегу, за оперативную помощь, в поисках убийцы сына, и сказал, что дальше они сами разберутся. Естественно, они узнали, что два их посыльных убийцы, порезали друг друга на смерть, а Иван больше на работу не вышел. Связав события воедино, киевляне решили, что посланные ими ликвидаторы, убив Ивана, что-то не поделили между собой, может гонорар, может что-то у Ивана еще взяли, а потом, уничтожили в драке друг друга.....Ну, значит, туда им и дорога. Дело закрыли.

Итог этой операции по совокупности, был более, чем положительный: - во-первых, были сняты необоснованные обвинения с семьи Аркадия и его зятя, во-вторых, остался живым и здоровым Иван, хоть ему и пришлось покинуть родные места, и, в-третьих, - на двоих убийц, по воле Божьей, на земле стало меньше.

Ион, естественно, переживал, что сдал брата в руки убийц, а то, что они его не пощадят, - он не сомневался. Считал, что Иван пострадал по его вине, просто потому, что был его братом. И все. Но жизнь продолжалась....